

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

С. С. БОБРОВ И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX в.

Начало литературной деятельности Семена Сергеевича Боброва относится к 1784 г. В примечании к стихотворению «О создании мира» автор указывает: «Сие размышление издано было в 784 г... Это первое в жизни произведение моей музыки».¹ Эти стихи были напечатаны в журнале «Покоящийся трудолюбец».² Появление в печати первых произведений Боброва относится к последним годам пребывания его в Московском университете. Поэту в ту пору было уже более двадцати лет.³

Как известно, в 1779 г. Новиков перенес в Москву свою деятельность. В это же время профессором Московского университета становится Шварц. По его инициативе в университете создается «Дружеское ученое общество», а затем, в 1781 г., из числа студентов — «Собрание университетских питомцев». Развернув-

¹ Семен Бобров. Рассвет полночи, ч. III. СПб., 1804, стр. 1. В дальнейшем в тексте: «Рассвет» и указание на том (римская цифра) и страницу (арабская цифра).

² «Покоящийся трудолюбец», М., 1784, ч. II, стр. 1—5.

³ В немногочисленных работах о Боброве год его рождения либо вообще не указывается, либо дается в пределах 1760—1769 гг. (см., например: И. Н. Розанов. Русская лирика. М., 1914, стр. 390; Большая советская энциклопедия, 2-е изд., т. 5, стр. 328; Поэты начала XIX века. «Библиотека поэта», малая серия, вступ. статья и примеч. Ю. М. Лотмана, изд. «Советский писатель», Л., 1961, стр. 167). В обнаруженных нами послужных списках Боброва год рождения не указан. В 1796 г. он пишет в графе возраст — 33 года (Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде, ф. 406, оп. 7, № 48, лл. 795—796; далее: Послужной список ЦГАВМФ), а в 1804 г. — 39 лет (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1260, оп. 1, ед. хр. 900, лл. 36—37; далее: Послужной список ЦГИАЛ). Наиболее вероятной следует считать первую дату, т. е. 1763 год, так как она совпадает с датой некролога, где говорится, что поэту, когда он умер, «было не более 48 лет от роду» («Европейский музей», 1810, № 14, стр. 112). Из послужных списков устанавливаются также годы пребывания Боброва в Московском университете (1780—1785).

ший обширную издательскую деятельность Новиков нуждался в большом количестве переводчиков, и Шварц создает при университете переводческую семинарию.⁴

Бобров занимался в университете французским и английским языками.⁵ По свидетельству М. Невзорова, он учился языкам латинскому, французскому, немецкому и английскому и «поправлял» для второго издания перевод с английского «Новой Киропедии» Рамзея.⁶

Несомненно, что эти занятия Боброва были связаны с деятельностью Новикова и Шварца. Особенно важным для дальнейшего литературного пути Боброва было увлечение английской литературой, поскольку именно английские писатели сыграли значительную роль в развитии русского преромантизма. В 70-х годах, находясь в Англии, Василий Петров переводит на русский язык поэму Мильтона «Потерянный рай».⁷ Под сильным влиянием Юнга находится А. М. Кутузов, который по частям печатает перевод «Ночей» в журнале «Вечерняя заря», а в 1785 г. выпускает его отдельной книгой.⁸ Несколько позднее, в 1792 г., выходят переведенные Е. И. Костровым песни Оссиана.⁹

Космическое столкновение добрых и злых сил в поэмах Мильтона, мрачные северные пейзажи Оссиана, тени героев, являющиеся живым, — все эти черты, характерные для поэзии преромантизма, находят отражение и в лирике Боброва.

Особенно сильным было увлечение поэзией Юнга, творчество которого пропагандировалось кружком московских масонов. Философские раздумья о сущности жизни и смерти, о беге времени, предчувствие конца мира — можно найти на страницах масонских журналов начала 80-х годов.¹⁰

⁴ Н. С. Тихонравов. К истории Московского университета. Профессор И. Г. Шварц. — Сочинения, т. III, ч. I, М., 1898, стр. 60—81.

⁵ См. послужные списки.

⁶ «Друг юношества», М., 1810, № 6, стр. 126—127. На титульном листе этой книги указано: «Издание второе, исправленное с аглинского подлинника» (А. Рамзей. Новая Киропедия, чч. I, II. М., 1785). Видимо, именно это исправление по «аглинскому подлиннику» и была сделано Бобровым.

⁷ Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. СПб., 1777.

⁸ Плачь Эдуарда Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии..., чч. I—II. М., 1785. (Далее: Плачь Эдуарда Юнга).

⁹ Оссиан, сын Фингалов, чч. I—II. Пер. Е. Костров, М., 1792.

¹⁰

Моря из берегов выходят,
К погибели весь мир приводят,
Волнуют, плещут и ревут!
Светило дневно померкает,
И наступает темна ночь;
Луна багряна утекает,
Бегут планеты, звезды прочь.

(Ода Страшный суд. — «Вечерняя заря», М., 1782, ч. III, стр. 309). Следует напомнить, что среди сочинений Юнга есть поэма «Страшный суд». Она была переведена А. М. Кутузовым и напечатана в книге «Плачь Эдуарда Юнга».

Для первых стихотворений Боброва также характерен интерес к философским проблемам бытия, космическим темам, к тайнам природы, «где кроется судеб ужасна глубина».¹¹ Поэт пытается воссоздать картину первого дня творения:

...гореносный огонь волнуясь краснеет,
Там жидкая вода, занявши место, рдеет.
Где вержется бугром земля и где лежит,
Там воздух вихрем рвет ее и в бездну мчит.¹²

Космические темы мы найдем и в русской поэзии середины XVIII в. Так, еще Ломоносов в широко известном стихотворении «Утреннее размышление о божием величестве» писал:

Там огненны валы стремятся...
и т. д.

Ломоносов смотрит на мир глазами ученого, постигающего многообразие и величие окружающего мира, а в стихах Боброва картины бытия исполнены таинственной силы и сурового трагизма. В стихотворении «Ночное размышление», написанном в том же ключе, еще более явственно обнаруживает себя характерная для преромантической литературы тяга к изображению мрачных и тревожных сторон бытия, в частности, здесь особенно ощутимо влияние Эдуарда Юнга:

... некогда потонет
Земля во пламени...
... Луна, которой луч заемной
По тусклом своде в ночь безоблачну скользит,
Зря гибель странную своей соседки черной,
Сама начнет багреть, и дым густой явит.¹³

В «Оде Любовь» появляется образ шары — планеты, который проходит через все творчество Боброва. Поэт мыслью подымается над миром и смотрит со своей искусственной умозрительной высоты не только на жизнь людей, но и на самую землю и солнце:

Еще вокруг солнцев не вращались
В превыспренных странах шары...¹⁴

¹¹ «Покоящийся трудолюбец», ч. II, стр. 1.

¹² Там же, стр. 3.

¹³ Там же, 1784, ч. IV, стр. 140. Ср. у Юнга: «Но весьма мал земный шар сей, дабы возмочь уголить глад огня пожирающего. Курящийся огонь возносится на высоту, объемлет облака и небо делает своею добычею. Растопляется солнце, луна и звезды, и оставляют после себя пустоту весьма великую» (Эдуард Юнг. Страшный суд. — В кн.: Плач Эдуарда Юнга, ч. II, стр. 513).

¹⁴ «Покоящийся трудолюбец», М., 1785, ч. IV, стр. 129.

То же и в стихотворении «Ночное размышление»:

Чудись, как в воздухе вращаются спокойно
Громады онья, велики как земля...¹⁵

В конце 80-х годов Бобров переезжает в Петербург.¹⁶ Здесь он примыкает к Обществу друзей словесных наук и активно участвует в журнале Общества «Беседующий гражданин». В январском номере помещены «Стихи в новый год к П<авлу> П<авловичу> И<косову>».¹⁷ Основная тема этого стихотворения — страх смерти. Бобров создает образ вечности, всепоглощающего времени, в потоке которого исчезают и века, и дела людей.

Час бьет — отверзся гроб пространный,
Где спящих ряд веков лежит;
Туда прошедший год возванный,
На дряхлых крыльях спешит...¹⁸

Часто в стихотворениях Боброва основные мысли вкладываются в уста какого-либо поэтически-условного персонажа, причем это обычно тень, призрак, потусторонний глас и пр. — детали, характерные для раннего романтизма. Впервые этот прием встречается в оде «Судьба мира», где «исшедша тень усопша мира» рассказывает поэту о всемирном потопе и грядущей мировой катастрофе:

Падут миры с осей великих,
Шары с своих стряхнутся мест...¹⁹

Так поэт выразил ощущение непрочности мира, в котором человек должен постоянно испытывать мистический ужас перед непостижимыми для него тайнами вселенной.

Стихи, напечатанные в «Беседующем гражданине», упрочили литературную известность Боброва. Так, в маленькой рукописной тетрадке неизвестного лица, представляющей собой своеобразный русский биографический словарь, о Боброве сказано: «Стихотворец, довольно изрядный».²⁰

¹⁵ Там же, стр. 139.

¹⁶ Окончив университет в 1785 г., Бобров только в 1787 г. был «определен в канцелярию Сената к герольдмейстерским делам» (Послужной список ЦГИАЛ). По всей вероятности, к этому времени относится переезд его в Петербург.

¹⁷ П. П. Икосов — малоизвестный поэт, сотрудник ряда журналов. Родился ок. 1760 г. — умер 12 апреля 1811 г. Обучался и служил в Московском университете до декабря 1780 г. (см.: Формулярный список о службе надворного советника Павла Икосова. — ЦГИАЛ, ф. 1260, оп. 1, ед. хр. 900, лл. 225—226).

¹⁸ «Беседующий гражданин», СПб., 1789, ч. 1, стр. 91.

¹⁹ Там же, стр. 377.

²⁰ Рукописный отдел Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 595, собр. Поленова, № 26, л. 11. В этом небольшом, всего 12 листов, словаре основное внимание уделено писателям. Здесь названы Карамзин, Ко-

В начале 90-х годов Бобров покидает службу в Сенате и поступает «в походную канцелярию его высокопревосходительства г. адмирала председательствующего в Черноморском адмиралтейском правлении Николая Семеновича Мордвинова».²¹

В июне 1790 г. был арестован Радищев, а в начале 1792 г. разразилась гроза над Новиковым. Может быть, и перемены в жизни Боброва связаны с этими событиями. Ведь Бобров учился в Московском университете, как уже говорилось, в пору сильного влияния масонства, он активно участвовал в изданиях Новикова, а в Петербурге сотрудничал в «Беседующем гражданине» и примыкал к Обществу друзей словесных наук, членом которого был Радищев. В сентябре 1792 г. Карамзин спрашивает у Дмитриева: «В каком состоянии Бобров?».²² Очевидно, у него были какие-то основания опасаться за Боброва и справляться о судьбе его. Широко известен рассказ С. А. Тучкова о разгроме Общества друзей словесных наук в связи с делом Радищева. Тучков говорит, что «по разным видам и обстоятельствам, большая часть членов лишены были своих должностей и велено было выехать им из Петербурга».²³

Ю. М. Лотман в одной из последних работ, ссылаясь на свою статью 1950 г. «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века», пишет, что «никто из членов „Общества друзей“, вопреки Тучкову, репрессиям не подвергся».²⁴ Однако в этой статье речь идет только об одном из членов «Общества друзей» — Лубяновиче.²⁵ Мысль о том, что отъезд Боброва из Петербурга был не вполне добровольным, Ю. М. Лотман выска-

стров, Дмитриев, Державин и др. Тетрадка эта составлена была не ранее 1793 г., так как о Зуеве и Головине сообщается, что они умерли в 1793 г. (л. 5, 8). В то же время она вряд ли была заполнена много позднее 1794 г., так как в числе произведений Карамзина упомянута «Аглая», но не названы «Мои безделки» (л. 7), выражается сожаление, что Дмитриев не издает своих сочинений (л. 9), а о Державине говорится: «Действительный статский советник при собственных делах е. и. в.» (л. 7). Державин же находился при Екатерине II «у принятия прошений» до сентября 1793 г.

²¹ Послужной список ЦГАВМФ; здесь переход на службу к Мордвинову датирован 1791 г., в «Послужном списке ЦГИАЛ» — мартом 1792 г.

²² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 30—31.

²³ С. А. Тучков. Записки. СПб., 1908, стр. 43. Принято считать, что Бобров был послан на юг в царствование императора Павла. Однако можно думать, что он уехал из Петербурга значительно раньше. Во всяком случае, в 1794 г. поэт был уже на Черном море. Об этом свидетельствует название стихотворения: «К кораблю 74-пушечному, спущенному 1794 года в Херсоне», сопровождаемое примечанием: «Сочинитель надписи в то время сам спускался на сем корабле» (Рассвет, II, 105).

²⁴ Ю. М. Лотман. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822). — Сб. «Пушкин и его время», вып. 1. Изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1962, стр. 63.

²⁵ Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. — Сб. «Радищев. Статьи и материалы», Изд. Ленингр. гос. ун-в., 1950, стр. 100.

зал в 1961 г.²⁶ и впоследствии нигде этого не опроверг. Можно думать, что свидетельство Тучкова все-таки остается справедливым именно по отношению к Боброву.

В 1804 г. в журнале «Северный вестник» появилась рецензия на только что вышедшие сочинения Боброва. Автором ее, по предположению П. Н. Беркова, был И. И. Мартынов, в то время профессор педагогического института.²⁷ Близкий к Вольному обществу любитель словесности, наук и художеств, Мартынов был неутомимым пропагандистом творчества Боброва и несомненно знал его лично. В рецензии подчеркнута участие Боброва в «Беседующем гражданине»: «Ежемесячное издание, известное под названием „Беседующий гражданин“, украшается несколькими его (Боброва, — М. А.) стихотворениями, которые имеют на себе печать истинного *Гения*, и не умерли, как нередко случается, вместе с периодическим изданием».²⁸ Возможно, что далее рецензент намекает именно на вынужденный перерыв в творческой деятельности Боброва: «К сожалению любителей поэзии, сей стихотворец долго после того (имеется в виду участие в «Беседующем гражданине», — М. А.) молчал».²⁹

И действительно, со страниц московских и петербургских журналов имя Боброва исчезает с начала 90-х годов. Если не считать незначительной по своим литературным достоинствам книжечки «Драмматическая песнь на кончину Екатерины II в трех явлениях сочинения С<емена> Б<оброва>»,³⁰ в столичных городах до 1804 г. не выходит ни одного его произведения.

С середины 90-х годов, как можно судить по напечатанным позднее произведениям Боброва, в творчестве поэта появляются новые темы. Среди них одной из важнейших стала тема античности.

Попав на берег Черного моря, Бобров оказался в обстановке, сохранившей следы античной цивилизации. Он видел развалины Херсонеса, плыл по тому самому Понту Эвксинскому, где некогда вел легендарный Язон своего «Арго», и античные реминисценции заполняют стихи Боброва 90-х годов (см., например: «Стансы на учреждение корабельных и штурманских училищ при адмиралтействах 798 года», «К кораблю 74-пушечному, спущенному 1794 года в Херсоне», «В поместье Акаста» и др.). Античность вставала в воображении поэта не только из-за южных пейзажей и мраморных развалин — живая судьба человека той

²⁶ Поэты начала XIX века, стр. 167.

²⁷ П. Н. Берков. К истории русско-польских культурных отношений конца XVIII и начала XIX века. — «Известия АН СССР, VII серия, Отделение общественных наук», 1934, № 9, стр. 709.

²⁸ «Северный вестник», СПб., 1804, № 4, стр. 32.

²⁹ Там же, стр. 32.

³⁰ Датируется по содержанию 1796 годом, место издания, Петербург, определено «Сводным каталогом русской книги XVIII века» по виньетке типографии Артиллерийского кадетского корпуса (см.: Сводный каталог русской книги XVIII века, т. 1. М., 1962, стр. 109).

эпохи, судьба ссыльного Овидия, умершего на берегах Черного моря, не могла не взволновать Боброва. Строки, обращенные к Овидию, мы находим в «Стансах ... 1798 года»:

... там, где ты, Овидий страстный,
Уснул, — как жалкий человек.

(Рассвет, I, 42).

В Николаеве³¹ Бобров создает стихотворение с характерным романтическим названием: «Баллада Могила Овидия, славного любимца муз».³² Стихотворение содержит упрек тирану, сославшему великого поэта. Эпиграф, взятый Бобровым из «Элегии об Овидии Лингенда», подчеркивает эту мысль баллады: «Овидий! ты не справедливо желаешь включить бича своего в лик небожителей; заточение твое научает нас, достоин ли он всесожжений за свою великую неправоту? ... Надлежит быть весьма жестокосерду, чтоб у отечества отъять самый редкий ум, какой токмо бывал когда-либо в Риме» (Рассвет, II, 127).³³

Бобров, вероятно, усматривал сходство между своей участью и судьбой Назона. И беседа его с тенью римского поэта заканчивается элегическим размышлением:

Судьба! — уж ли песок в пустыне
Меня засыплет также ныне?

Так появляется в лирике Боброва личная тема, в то время как ранние «космические» стихи исключали возможность обращения к внутреннему миру поэта.

В рукописном варианте стихотворения «Песнь на новый год», датированном январем 1795 г., соединяются две темы: философские раздумья над миром, идущие от Юнга и характерные для раннего периода творчества Боброва, и размышления поэта о своей судьбе. В начале развивается обычная для Боброва система образов: бег времени, движения миров.

Звукнул времени суровый
Металлический язык...

Паки сферы просветлели
Средь пылающих небес,
Паки новы зашумели
Времени круги колес.³⁴

³¹ Стихотворение снабжено примечанием: «Сии стихи сочинены во время бытности в Николаеве».

³² В «Словаре» Остолопова баллада определена как «стихотворение, принадлежащее к новейшей поэзии» (Н. Остолопов. Словарь древней и новой поэзии, ч. I. СПб., 1821, стр. 58).

³³ Ср.: Jean de Lingendes. Elegie pour Ovide. — В кн.: N. Renouard. Les Metamorphoses d'Ovide. Paris, 1617, стр. 13 (не нумеровано).

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 994, Мордвиновы, оп. 2, ед. хр. 7, л. 15. Впоследствии Бобров напечатал это стихотворение в сильно переделанном виде (Рассвет, III, 40—41).

Выражение «язык времени» взято Бобровым у Юнга,³⁵ но в то же время здесь ощутимо влияние образно-лексической структуры оды Державина «На смерть князя Мещерского»:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает
и т. д.³⁶

У Державина трагизм, навеянный страхом смерти, разрешается проповедью мирного наслаждения радостями жизни. У Боброва такого разрешения нет. В его стихотворении тема рокового движения времени внезапно обрывается после третьей строфы, и поэт обращается к размышлениям о своей горестной участи:

Мне судьбина отреклась
Бурю жизни отвратить,
Знать, она еще клялась
Горьку желчь свою пролить.

Далее восемь строф говорят о судьбе поэта и его благодарности Мордвинову. Бобров, вероятно, сам чувствовал, что здесь механически соединились две разнородные части: в рукописи три первые строфы отделены от остального текста знаком ~. Убрав тильду в печатном тексте, Бобров поставил на ее место еще одну строфу, пытаюсь связать обе части стихотворения и по-державински решая проблему жизни и смерти в общечеловеческом плане:

Пейте в полной чаше радости!
Пейте здравия струи!
Ощущайте жизни сладость!
Украшайте дни свои!
(Рассвет, III, 40).

От этой строфы естественным стал переход к следующей:

Мне судьбина отреклась
Бурю жизни отвратить.

До середины 90-х годов творчество Боброва развивалось в основном в русле, далеком от художественных исканий Карам-

³⁵ Ср.: «The bell strikes one. We take no note of time But from its loss. To give it then a tongue, Is wise in man. As if an angel spoke, I feel the solemn sound» (Young. The Complaint or Night-thoughts. London, 1794, стр. 5). Интересно, у А. М. Кутузова, переводившего с немецкого языка, образ Юнга — «язык времени» — исчез. Переводчик говорит о «языке колокола»: «Я слышу час бьет. Мы замечаем время по единой его утрате; премудро поступил человек, дав колоколу язык. Я чувствую важный звук сей, якобы слова ангела» (Плачь Эдуарда Юнга, ч. I, стр. 6—7).

³⁶ Видимо, эти строки оды Державина также создавались не без влияния Юнга (см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. I, 2-е академ. изд., СПб., 1868, стр. 58).

зина. В предисловии ко второй книжке «Аонид» Карамзин подверг резкой критике те литературные позиции, на которых находился Бобров: «Поэзия состоит не в надутым описании ужасных сцен природы, но в живости мыслей и чувств». ³⁷ И далее: «Молодому питомцу Муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот Природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар Натуры...». ³⁸ Очень возможно, что Карамзин имел здесь в виду и раннюю лирику Боброва, изобиловавшую описанием мировых катастроф. ³⁹ Так, в стихотворении «Ночное размышление» был действительно изображен «всеобщий пожар Натуры». Вместе с тем в стихотворении Боброва «Лучший день в году Акаста» появляются характерные карамзинские темы и интонации. Оно начинается с изображения грозы. Далее поэт говорит о чувствах и блаженстве своего героя, и стихотворение заканчивается умиротворенным:

Акаст! — так Муза вопиет
Под ревом бурь и вихрей грозных,
Так тихи дни тебе поет
Под громом туч молниеносных.

(Рассвет, II, 104).

По мысли и лексике эти строки перекликаются с афористической концовкой стихов Карамзина:

Поэт и в страшный гром на миртах соловей!

У Карамзина стихотворение сопровождается примечанием: «Сии стихи писаны во время грому — и в самую ту минуту пел соловей». ⁴⁰ Бобров также сопровождает свои стихи примечанием: «Сие писано было действительно во время летней грозы, когда был день Акастова празднества и угощения» (Рассвет, II, 103—104). Так отражается в стихотворении личность автора с его истинными, а не вымышленными переживаниями. Влияние Карамзина чувствуется и в стихотворении «Прибытие Люцинды», где упоминается

Гроб, стоящий в той пустыне,
Где до утра сын твой спит...

Можно думать, что эти строки связаны с известной эпитафией Карамзина:

Покойся, милый прах, до радостного утра!

³⁷ «Аониды», М., 1797, кн. II, стр. V—VI.

³⁸ Там же, стр. VII.

³⁹ Такое предположение высказал Ю. М. Лотман во вступительной статье к книге «Поэты начала XIX века» (стр. 55—56).

⁴⁰ «Аониды», М., 1796, кн. I, стр. 74.

Причем и у Карамзина, и у Боброва стихи сопровождаются ссылкой на обстоятельства, при которых они были сочинены.⁴¹

Наиболее ярко автобиографизм, стремление запечатлеть в стихах свой внутренний мир проявились в стихотворении «Выкладка жизни бесталанного Ворбаба» (т. е. Боброва).⁴² В нем поэт рассказывает историю своих скитаний: Москва, Петербург, берег Черного моря.

Самым значительным произведением Боброва, созданным им во время пребывания на юге, является описательная поэма «Таврида», первый опыт подобного жанра в русской литературе. В этой поэме сливаются и личные впечатления Боброва от путешествия по Крыму, и восприятие традиций античной культуры, и давняя тяга поэта к английской литературе.

«Таврида» имеет подзаголовок: «Мой летний день в Таврическом Херсонисе». Она представляет собою рассказ о последнем дне путешествия Мурзы со своим наставником — шерифом. Они возвращаются домой после посещения Медины. Рассказ начинается с описания раннего утра и заканчивается поздним вечером. На последних страницах сообщается о свадьбе Мурзы и смерти старика — шерифа. Видимо, в построении сюжета и композиции своей поэмы Бобров опирался на поэму Томсона «Времена года». Томсон был основателем жанра описательной поэмы. Его творчество сыграло значительную роль в развитии преромантизма сентиментального толка. «Таврида» создается на манер главы «Лето» поэмы Томсона, которая построена как описание летнего дня от рассвета до наступления ночи.⁴³ В этой общей схеме есть и более частные совпадения. Гимну солнцу у Томсона⁴⁴ соответствует обращение к творцу в начале II главы «Тавриды».

⁴¹ Б(о б р о в). Прибытие Люцинды. — «Лицей», 1806, ч. II, кн. 2, стр. 15; Н. Карамзин. И. Дмитриев, Избранные стихотворения. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1953, стр. 100.

⁴² Кстати сказать, это стихотворение позволяет установить не известное до сих пор место рождения Боброва. В начале его говорится:

При бреге Котросли глубокой
Там — близко, — где, как бы устав,
Она в стезе своей широкой. . .
.
Ложится в лоно Волги славной. . .
.
Там, — Ворбаб в мрачности родился. . .
(Рассвет, III, 151—152).

Так как «река Которосль, вытекающая из Ростовского озера, впадает в Волгу близ Ярославля» (Россия, Полное географическое описание нашего отечества, т. I. Под ред. В. П. Семенова, СПб., 1899, стр. 278), то можно считать Ярославль или его ближайшие окрестности местом рождения Боброва.

⁴³ James Thomson. The seasons. Edinburg, 1831, стр. 48.

⁴⁴ Там же, стр. 50—51.

Описание грозы мы найдем у обоих авторов.⁴⁵ Чувствуется в поэме Боброва и влияние Оссиана. На одну из текстуальных параллелей (жалобы фиалки) обратил внимание рецензент сочинений Боброва в 1805 г.⁴⁶

Однако главным в «Тавриде» было все-таки не подражание, а личные впечатления.⁴⁷ Любовно, со многими подробностями описывает он растительность и животный мир Крыма.

Впечатления, полученные поэтом от знакомства с остатками античной культуры, отразились в большом рассказе об античной мифологии, который вложен автором в уста шерифа — мусульманского законоучителя. Кюхельбекер в свое время отметил неправдоподобие этой ситуации: «Небо Италии нейдет к русскому ландшафту и римский наряд не пристал татарину».⁴⁸ Кюхельбекер настаивал на строгом соблюдении «местного колорита». Для Боброва этой проблемы еще не существовало: он стремился поместить в поэму яркий и живописный материал, а о соблюдении исторического правдоподобия мало заботился.

В то же время в поэме продолжает звучать и характерная для Боброва тема непрочности бытия. Она возникает в одном из центральных мест поэмы — обращении к творцу.

... лишь ты восхощешь,
Шатнется мир на ломкой оси.⁴⁹

⁴⁵ Там же, стр. 67. Ср.: С. Б о б р о в. Таврида. Николаев, 1798, стр. 172 и сл. На сходство поэмы Томсона с «Тавридой» обратил внимание еще Кюхельбекер: «Напитанный чтением английских поэтов, он старался им подражать, и главным его образцом был Томсон. Так, например, в описаниях зноя и бури русский стихотворец заимствовал лучшие черты из „Времен года“» («Благонамеренный», 1822, № 12, стр. 453).

⁴⁶ «Журнал российской словесности», 1805, ч. 1, № 2, стр. 117.

⁴⁷ «Перемещен в походную канцелярию председательствовавшего в бывшем черноморском адмиралтейском правлении, и при обозрении Николаевской, Херсонской, Одесской, Севастопольской, Керченской и Таганрогской портов <так!> разделял с ним труд в сочинении обстоятельных о том донесений к высочайшему лицу» (Послужной список ЦГИАЛ). В посвящении своей поэмы Мордвинову Бобров сам говорит, что замысел его возник во время этих поездок: «Начало сего плода возрастом своим обязано еще первому вашему обозрению сего полуострова» (С. Б о б р о в. Таврида. Посвящение, не нумеровано).

⁴⁸ «Благонамеренный», 1822, № XI, стр. 426.

⁴⁹ На эти строки поэмы неоднократно обращали внимание критики. По поводу эпитета «ломкий» разгорелась даже небольшая полемика между И. Т. Александровским и Л. Н. Неваховичем («Северный вестник», 1805, ч. V, стр. 308; ч. VII, стр. 145—159). Сен-Мор во французской антологии русской поэзии для характеристики творчества Боброва приводит перевод именно «обращения к творцу» под названием «Le poete au Chatirdach» (см.: Emile Duprè de Saint-Maure. Anthologie russe... Paris, 1823, стр. 126—127). Этим же отрывком из «Херсониды» под названием «Address to the deity» начинает свои переводы из Боброва Джон Бауринг в «Российской антологии» (John Bowring. Российская антология. Specimens of the Russian Poets. London, 1821, стр. 147—150).

В духе ранней лирики Боброва выдержано и мрачное пророчество:

... всё истлеет, — твердь советься,
Растопятся миры горящи...⁵⁰

Буря, разразившаяся над Таврическими горами, — это суровое бедствие, посланное людям — «сим червям немощным и слабым».⁵¹ Однако Бобров не остается в рамках обычной для философской лирики конца XVIII в. параллели: человек — червь. В его поэме появляется тема научного исследования. Бобров продолжает здесь традицию, начатую Ломоносовым.⁵² И не случайно в поэму включен рассказ о гибели профессора Рихмана, где автор заставляет Ломоносова произнести речь над трупом своего друга. Несколько эклектическая литературная позиция Боброва сказалась здесь особенно ясно: в речи Ломоносова сочетаются прославление смелого научного эксперимента и меланхолическая медитация в духе карамзинизма.⁵³

Поэма Боброва была принята критикой очень доброжелательно. Радищев высоко оценил поэму еще в первом ее издании 1798 г. Он рассматривает написанную белыми стихами «Тавриду» как образец для своей поэмы «Бова»:

Без складов она, без рифмы
Вслед пойдет творцу Тавриды,
Но с ним может ли сравниться...

И в той же поэме «Бова» снова упоминание о Боброве:

Возьму плащ я для тумана,
А Боброва в услажденье.

Весьма вероятно, что апология Радищевым «Тилемахиды» Третьяковского в статье «Памятник дактило-хореическому ви-

⁵⁰ С. Б о б р о в. Таврида, стр. 154.

⁵¹ Там же, стр. 179.

⁵² На эту сторону творчества Боброва обратил внимание Ю. М. Лотман (см.: Поэты начала XIX века, стр. 53—56).

⁵³ Страшился ли тебя (судьбы, — М. А.) Франклин,
Иль тонкий Мушенброк, и Эйлер,
Как тайный океан эфира
Разлитый в глубине природы
С отважной грудью измеряли?

(С. Б о б р о в. Таврида, стр. 185—186).

О! — пусть сии горячи капли; —
Последня жертва нежной дружбы —
Его останки оросят,
И некогда на мрачном гробе
Взрастят печальны гиацинты.

(Там же, стр. 187).

тяжу» как-то связана с поэмой Боброва. Так, еще В. П. Семенников предполагал, что в разговоре Б. и П. под Б., защищающим Тредиаковского, следует разуметь Боброва.⁵⁴

В 1805 г. после выхода второго издания «Тавриды» ученик И. И. Мартынова, студент педагогического института И. Т. Александровский, писал: «Херсонида есть творение гения. Словесность наша может ею гордиться так же, как и сочинениями Ломоносова и Державина... Щастлива страна, которая имеет таких поэтов».⁵⁵

Следует обратить внимание на тот факт, что в начале XIX столетия Бобров подвергается нападкам со стороны приверженцев классицизма. Так, Панкратий Сумароков в «Оде в громко-нежно-нелепо-новом вкусе» пародирует и преромантизм сентиментального толка, и мрачную, напряженную лирику Боброва, в первую очередь, видимо, «Тавриду». Он подметил только внешние особенности творческой манеры Боброва: увлечение сложными словами и мрачный характер многих его пейзажей:

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря...
Октябрю-непогодно-бурна,
Дико-густейша темнота...⁵⁶

С позиций литературного старовера нападает на Боброва и А. Палицын, увидевший в «Тавриде» отход от классических традиций Хераскова:

...вкус Хераскова забыв в своей Тавриде...
Щероховатостью и мыслей и стихов
Подходит там в иных местах к Тилемахиде.⁵⁷

По всей вероятности, к 1800 г. относится возвращение Боброва в Петербург, где он становится переводчиком в Адмиралтейств-коллегии.⁵⁸ Характерной особенностью некоторых его стихов, написанных в это время, является соединение приемов ранней лирики с откликами на политическую злобу дня. Так, в начале стихотворения «Ночь» (Рассвет, I, 54—59) развиваются известные нам образы:

Звучит на башне медь, — час ночи;
Во мраке стонет томный глас.

Далее дается мрачный пейзаж петербургской ночи:

⁵⁴ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, М.—Пгр., 1923, стр. 304.

⁵⁵ «Журнал российской словесности», 1805, ч. I, стр. 113—120.

⁵⁶ «Ода» была впервые напечатана в «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» (М., 1802, ч. I, стр. 111—115), т. е. до появления четырехтомного собрания сочинений Боброва.

⁵⁷ А. А. Палицын. Послание к Привете. Харьков, 1807, стр. 47.

⁵⁸ См.: Послужной список ЦГИАЛ.

Верхи Петрополя златые
Как бы колеблются средь снов;
Там стонут птицы роковые,
Сидя на высоте крестов.

А затем рассказывается об ангеле смерти, поражающем того,

... кому в недавни леты
Вручило небо жребий твой,
И долю дольней полпланеты,
И миллионов жизнь, покой...⁵⁹

В Рукописном отделе Пушкинского дома хранится список этого стихотворения под названием: «Ночь марта 1801». Заголовок позволяет установить, что оно написано в связи с убийством Павла I в ночь на 12 марта. Последние строки рукописи не оставляют сомнения, что речь идет именно о Павле I:

Прости Россия. — Се конец...
Пусть в Александре вам родится
Благий отечества отец.⁶⁰

В этой связи становятся художественно оправданными мрачные картины вступительных строф, а аллегорическая фигура ангела смерти приобретает реальные черты заговорщика:

Еще — еще он ударяет;
Проснешься ли.

В стихотворении «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославию» (Рассвет, I, 32—39) также можно найти отклик на смерть Павла I. Тень Ольги⁶¹ рассказывает внуку о кончине его отца, а ее сына Святослава. Святослав был убит, и рассказ о его гибели мог вызвать ассоциации со смертью Павла.

Можно думать, что Бобров не одобрял убийства Павла, в царствование которого он сам вернулся в Петербург, был освобожден Новиков и смягчена участь Радищева. Не мог он, с его масонскими настроениями, и философски принять убийство монарха. В стихах Боброва, по-видимому, содержится, хотя и робкое и завуалированное, осуждение государственного переворота 1801 г.

Последние годы жизни Боброва посвящены созданию монументальной поэмы «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец». Эта поэма представляет собою философско-мистическую аллегория: принц Нешам (душа) нарушил волю своего отца Мизраха (бога), войдя в запретную сень и предавшись там плотским

⁵⁹ И. Н. Розанов полагал, что эти стихи написаны на смерть Суворова (Русская лирика, стр. 378). Ту же точку зрения разделяет Ю. М. Лотман (Русские поэты начала XIX века, стр. 587).

⁶⁰ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, ф. 93, собр. Дашкова, оп. 3, № 137.

⁶¹ В «Херсониде» Екатерина II сравнивается с «возрожденной» Ольгой (см.: Рассвет, IV, 17).

удовольствиям. Отец ослепил Нешама и заставил его отправиться странствовать в поисках исцелителя. Странствия Нешама и знакомство его с философскими учениями различных стран (Египет, Индия, Вавилон) и составляют содержание поэмы. Изгнанный принц находит, наконец, исцеление в христианстве.

В последнем произведении Боброва слились воедино те художественные тенденции, под влиянием которых развивалось его творчество в течение почти тридцати лет. История Нешама — это прежде всего история заблуждений и исканий самого автора, о чем он недвусмысленно заявил в конце своего творения: «Я бы мог представить в Эпопее разные умы или души... проще сказать, составить историю разума человеческого... но много бы тогда вступило главных лиц, а потому не сообразно бы было плану моему. Я лучше хотел из всех сих нравственных звеньев, или частей составить одно целое... короче сказать, — представить себя самого под именем слепца».⁶²

Однако эта лирическая аллегория настолько глубоко запрятана поэтом, что разыскать ее в тексте без помощи автора было бы почти невозможно.

Попадают в поэме и сатирические намеки на современных Боброву вельмож, хотя речь идет о египетских владыках:

Он псовой ловлею своей
Опущал поля мои.⁶³

В то же время поэма изобилует описанием ужасов и катастроф, существенную роль в ее композиции играют вставные рассказы — все это роднит «Слепца» с ранними произведениями Боброва. Противоречивая по своим художественным тенденциям, затемненная аллегориями, огромная по размеру (свыше 600 страниц), поэма Боброва уже современникам казалась архаичной и неудобочитаемой. Появившись за год до смерти автора, она, подводя итог деятельности поэта, принесла ему славу малопонятого тяжело дума.

Изображая в своих стихах космические картины, Бобров пытается придать им зримые, осязаемые черты. Таково, например, изображение бега времени:

... Бог пернатый снова ставит
На темя лысое часы.

(Рассвет, III, 48).

О всемирном потопе поэт говорит:

Тогда тьмы рыб в древах висели,
Где черный вран кричал в гнезде.

(Рассвет, III, 21).

⁶² Сем. Бобров. Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец, ч. II, кн. 3. СПб., 1809, стр. 297—298.

⁶³ Там же, кн. 2, СПб., 1807, стр. 164.

Однако вычурные метафоры не делают образ более зримым, а порою и совсем разрушают его:

Прах ржет в лице коня. . .
(Рассвет, III, 6).

Стремясь к большей поэтической выразительности, Бобров нередко прибегает к малооправданным инверсиям, затрудняющим восприятие смысла стиха:

. . . их число судов толь бедно.
(Рассвет, II, 39).

Велик в злодее свет наук великом.
(Рассвет, III, 133).

Грандиозность изображаемых картин поэт пытается передать фонетическими средствами языка, злоупотребляя сочетанием согласных: «влечется выспрь туман» (Рассвет, III, 5), «огнь сладкий» (Рассвет, III, 17). Он часто обращается к аллитерациям. В стихотворении «Слава российских ироев» (СПб., 1793) встречается строка:

Се ружей ржуший лес ступает.

Перепечатывая стихи в издании 1804 г., поэт еще более усиливает затрудненность звучания этой строки:

Се ружей ржуща роща мчится.
(Рассвет, II, 23).

В своей творческой практике Бобров разделяет позицию Радищева, искавшего «в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия» («Путешествие из Петербурга в Москву», глава «Тверь»). Отсюда и злоупотребление лексикой, которая для начала XIX в. звучала явно архаично: тещи, вопия, токмо, повеждь, срящу, лепота, выспрь и т. д.

Отношение к творчеству Боброва в первое десятилетие XIX в. становится очень сложным. Он пользовался безусловной поддержкой Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, членом которого стал в 1807 г.⁶⁴ Здесь высоко ценились традиции

⁶⁴ Сохранилось письмо Боброва к Д. И. Языкову с просьбой принять его в члены общества: «Милостивый государь! Дмитрий Иванович! Желая иметь удовольствие брать участие в трудах Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, прошу вас покорнейше предложить о моем желании собранию. С совершенным почитанием и преданностью честь имею быть ваш, милостивого государя, всепокорнейший слуга Семен Бобров. 19 октября 1807 года» (Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Отдел рукописи и редкой книги Научной библиотеки им. А. М. Горького при Ленингр. гос. унив., д. 57/25, л. 88). Бобров был принят в Общество в тот же день, 19 октября 1807 г. (там же, дело 78, л. 59 об.).

научной поэзии Ломоносова. Своим космизмом, философскими поисками Бобров был близок Пнину и Востокову. Разночинец по происхождению,⁶⁵ так же как и большинство членов Общества, Бобров печатно заявлял о своем демократизме: «...порода без добрых качеств ничто, а достоинства души и без породы всё»,⁶⁶ и с гордостью называл Минина «Русским Плебеем».⁶⁷

Бобров сотрудничал в журналах, издатели которых были связаны с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств. Так, в журналах И. И. Мартынова «Северный вестник» и «Лицей» им было напечатано в течение 1805—1806 гг. около сорока сочинений и переводов. Позднее он помещал свои произведения в изданиях А. П. Беницкого и А. Е. Измайлова — «Талия» и «Цветник».⁶⁸

Большому почитателю творчества Боброва И. И. Мартынову, по-видимому, принадлежит уже упоминавшийся разбор первого тома сочинений Боброва «Рассвет полночи», напечатанный в «Северном Вестнике», где высоко оценена оригинальность творчества этого поэта: «Он идет по следам, ежели есть они; прокладывает сам себе стезю, если еще оной не было, и последнее чаще в нем примечается, нежели первое».⁶⁹ Рецензента привлекают именно те особенности поэзии Боброва, которые отличают его творчество от карамзинского направления: «Я воображаю всю громаду вселенная, взлетаю между светил небесных в глубокую ночь и вижу этот бледный висящий день при наступлении рассвета».⁷⁰ В то же время здесь отмечены те стороны творчества Боброва, за которые его вскоре начинают преследовать поэты карамзинского лагеря: «Слабость г-на Боброва состоит в том, что иногда в изображении своих бывает темен».⁷¹

В том же журнале любимый ученик И. И. Мартынова И. Т. Александровский⁷² опубликовал «Разбор поэмы Таврида», в котором вслед за учителем снова подчеркивает самостоятельность

⁶⁵ В послужных списках Бобров на вопрос: «Из каких в службу поступил?», отвечает: «Из священнических детей».

⁶⁶ С «емен» Б о б р о в. Патриоты и герои везде, всегда и во всяком. — «Лицей», 1806, ч. II, кн. 3, стр. 30.

⁶⁷ Там же, стр. 38.

⁶⁸ В альманахе «Талия» в числе прочих помещены за подписью «200», т. е. С. «Бобров», три стихотворения, автором которых, судя по содержанию, является Бобров: «Глас оскорбленной дружбы по смерти NN к благородному Алкиду N», «Постоянство музы. К другу Акасту» и «Песенка невинной девушки» («Талия», 1807, стр. 48—52; 113—115). Принадлежность этих стихотворений Боброву ранее не была отмечена.

⁶⁹ «Северный вестник», СПб., 1804, ч. II, № 4, стр. 33—34.

⁷⁰ Там же, стр. 35.

⁷¹ Там же, стр. 40.

⁷² См.: П. Н. Берков. К истории русско-польских культурных отношений конца XVIII и начала XIX века. И. Т. Александровский, профессор русского языка и словесности в кременецком лицее. — «Известия АН СССР, VII серия, Отделение общественных наук», М.—Л., 1934, № 9, стр. 709.

творческого пути поэта: «Прочитав Тавриду, нельзя, кажется, не сказать, что автор сей книги отворяет новую дверь в российскую поэзию. Всякой предмет описывает он не подражательным, а свойственным себе образом». ⁷³ То, что впоследствии Батюшкову в стихах Боброва покажется какофонией, вызывает восхищение Александровского: «Сей стих: В сих — сих свистящих вихрей силах — свистит, подобно самим вихрям, пятеричным повторением буквы с». ⁷⁴

Другой ученик И. И. Мартынова, И. М. Левитский, в своем «Курсе российской словесности» 1812 г. определяет именем Боброва целое направление в русской поэзии: «Мы не погрешим противу всеобщего мнения, если разделим наши оды также на три рода: ломоносовские, державинские и бобровские». ⁷⁵ Отличительной особенностью бобровских од является, по его мнению, то, что они «удачно соединяют с гораціанскую силуо выражения высочайший лирический слог, наполненный чистосердечием». ⁷⁶ Для Левитского также главным в творчестве Боброва являются черты, отличающие его от поэтов карамзинской школы, — «высочайший лирический слог» и «сила выражения».

Именно поэтому творчество Боброва оказалось близким «Беседе» Шишкова. «Неумелая ученица романтизма», по выражению Г. А. Гуковского, ⁷⁷ она отстаивала преромантические тенденции поэзии Боброва, не принимая дальнейшего развития романтического направления.

Путем Боброва пытается идти Ширинский-Шихматов ⁷⁸ — поэт, пользовавшийся безграничным уважением членов «Беседы». Державин, очень высоко оценивая творчество Боброва, ⁷⁹ включает примеры из его сочинений в свое «Рассуждение о лирической поэзии». ⁸⁰

Однако у поэтов, поддерживавших карамзинские традиции в русской литературе, намеренно затемненный тяжеловесный язык Боброва, его вычурная образность вызывает раздражение и насмешки. В литературной борьбе начала XIX в. Бобров становится заметной фигурой и к концу 1810-х годов его начинают осмеивать в многочисленных стихах и эпиграммах.

⁷³ «Северный вестник», 1805, ч. V, № 3, стр. 301.

⁷⁴ Там же, стр. 306.

⁷⁵ Ив. М. Левитский Курс российской словесности, ч. II. СПб., 1812, стр. 89.

⁷⁶ Там же, стр. 90.

⁷⁷ Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 9.

⁷⁸ Там же, стр. 9.

⁷⁹ «Он (Державин, — М. А.) в восторге от Боброва» (С. П. Жихарев. Записки современника. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 421, запись от 15 марта 1807 г.); «Державин необыкновенно уважал Боброва» (там же, стр. 561).

⁸⁰ Сочинения Державина, т. VII, 2-е академ. изд., СПб., 1878, стр. 557, 569, 584—585.

Батюшков издевается над какофонией, отсутствием благозвучия в стихах Боброва и вставляет в «Видение на берегах Леты» слегка измененную строку из Боброва:

Где роща ржуца ружий ржот, —

сопроводив ее примечанием: «Этот стих взят из сочинений Боброва, я ничего не хочу присваивать».⁸¹

Осмеянию подвергается описание потопа в стихотворении Боброва: «На будущей почте я пришлю тебе несколько похвальных слов, а именно вот каких: поэт Сидор, что написал Потоп, а рыбы на кустах, ну, уж гений!».⁸²

В более позднем стихотворении Батюшкова (1817) Бобров изображается как вдохновитель «беседчиков»:

Я вижу тень Боброва:
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и чумой;
Сугубым вздором дышет
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи,
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов;
Им дышет граф Хвостов,
Шихматов оным дышет,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучи слов.

Для писателей, требовавших простоты и ясности языка, была неприемлема намеренная усложненность многих мест в произведениях Боброва.

Нет спора, что Бибрис богов языком пел:
Из смертных бо никто его не разумел.⁸³

Противники нападают даже на частную жизнь поэта. Батюшков прозрачно намекает на его пристрастие к вину:

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!⁸⁴

⁸¹ К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, Гослитиздат, М., 1955, стр. 100. Строка пародирует стихотворение Боброва «Конец войны при Дунае»:

Се ружей ржуца роща мчится.

(Рассвет, II, 23).

Как показано выше, неприемлемая для Батюшкова строчка была результатом сознательных исканий Боброва.

⁸² Письмо Н. И. Гнедичу 19 августа 1809 г.: К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, т. III, СПб., 1886, стр. 40.

⁸³ П. А. В я з е м с к и й. Стихотворения. «Библиотека поэта», большая серия, Л., 1958, стр. 52.

⁸⁴ К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, Гослитиздат, 1955, стр. 93.

Само прозвище Бибрис, очевидно, намекает на этот порок Боброва (от лат. *bibere* — пить).⁸⁵

Против Боброва выступали самые талантливые поэты эпохи и представители направления, побеждавшего в литературном движении начала века, и, казалось бы, имя Боброва должно было окончательно исчезнуть из истории литературы. Этого, однако, не произошло.

Когда прошел пыл литературной борьбы и битвы «Беседы» с «Арзамасом» остались позади, имя Боброва неожиданно снова начинает привлекать внимание ведущих литераторов 20-х годов, и в первую очередь нужно назвать здесь Пушкина. В начале своего творческого пути Пушкин осыпает Боброва колкими насмешками, варьирующими злые эпиграммы Батюшкова и Вяземского.⁸⁶

Затем в течение нескольких лет в известных нам текстах Пушкина имя Боброва не встречается. К мыслям об этом поэте он возвращается только в годы южной ссылки. 27 июля 1821 г. в письме из Кишинева Пушкин просит брата: «Пришли мне „Тавриду“ — Боброва»,⁸⁷ а спустя полгода называет эту просьбу в числе «препоручений самых важных».⁸⁸

Можно думать, что возникновение интереса к творчеству Боброва летом 1821 г. было вызвано сближением Пушкина в это время с С. А. Тучковым. Тучков, игравший заметную роль в «Беседующем гражданине», несомненно лично знал Боброва. Пушкин

⁸⁵ Можно думать, что сам Бобров «подсказал» своим литературным врагам это прозвище. В 1806 г. он опубликовал отрывок из английского журнала «Зритель», в котором говорилось: «... кормилица императора Нерона, будучи весьма пристрастна к пьянству, вселила гнусный навик сей и в знатного питомца своего, который напоследок столько известен стал по сему пороку, что народ очень часто, замечая в нем оной, вместо Тиберия Нерона называл его Биберием Мером (*Viberius Mero*)» («Лицей», 1806, ч. III, кн. 3, стр. 86—87; ср.: «The Spectator», 1711, vol. III, № 246, стр. 294).

⁸⁶

И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
(„Монах“, 1813).

Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров.
(„Тень Фонвизина“, 1815).

Ср. приведенную выше эпиграмму Вяземского или начало «Видения на берегах Леты» Батюшкова (1809):

Вчера Бобровым утомленный,
Я спал и видел странный сон!

⁸⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, изд. 2-е, АН СССР, М., 1958, стр. 29. Далее цитируется по этому изданию.

⁸⁸ «Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя — это меня бесит — я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне...» (там же, стр. 33).

с его живым интересом к истории литературы не мог не обрадоваться знакомству с активным участником литературной жизни прошлого века.⁸⁹

Среди южных стихов Пушкина 1821—1822 гг. неоднократно встречается тема изгнанника Овидия, поэтому Пушкин не мог пройти мимо баллады Боброва на ту же тему («Могила Овидия»). Не исключено, что с этой балладой связано снятое впоследствии примечание к первой главе «Онегина» (1823): «Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях *Ex Ponto* он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная».⁹⁰

В балладе Боброва первое упоминание о Назоне сопровождается следующим примечанием: «Весьма достоверно, что Овидий погребен в сей стороне; ибо Темесвар есть тот самый древний томитанский город, о коем он так часто упоминает в элегиях своих» (Рассвет, II, 128). Характерна очень личная окраска этого примечания: поэт, автор стихов об Овидии, тоже находится в «сей стороне», о чем сообщает немного ниже: «Сии стихи сочинены во время бытности в Николаеве» (Рассвет, II, 132). И у Пушкина примечание об Овидии тоже носит личный характер. В начале главы он сообщил читателям о своей ссылке:

Там некогда гулял и я;
Но вреден север для меня, —

а примечанием сопроводил строки о ссылке Назона.

В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

Субъективная форма примечания, сходство в стиле и лексике — все это делает возможным предположение, что Пушкин учел в «Онегине» примечание Боброва.

Можно предположить, что стихотворение Боброва снова всплыло в сознании Пушкина в процессе работы над «Цыганами» (1824), когда и в этой поэме возникла тема Овидия. Старый Цыган, вспоминая о римском поэте, говорит:

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.

⁸⁹ Подробную сводку об отношениях Пушкина и Тучкова см. в статье Ю. М. Лотмана «Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822)» в сб. «Пушкин и его время» (Изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1962, стр. 62—66). Автора работы С. А. Тучков интересуется только как источник сведений Пушкина о Радищеве.

⁹⁰ Пушкин, т. V, стр. 510.

У Боброва тень Назона вещает поэту:

... как звук вод некий
Иль шум тополовых листов.

Наконец, в том же 1823 г., когда создавалась первая глава «Онегина» и обдумывались «Цыганы», Пушкин признается в «краже» одной строки из сочинений Боброва: «Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей „Тавриде“: *Под стражею скопцов гарема. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе*».⁹¹

Однако все эти реминисценции, как ни важны они сами по себе, не исчерпывают связей Пушкина с Бобровым. Особенно важен тот факт, что принципиальные для Пушкина рассуждения о языке литературы связаны для него с именем Боброва.

Можно прежде всего предположить здесь какую-то полемику со статьей Кюхельбекера в «Благонамеренном» в декабре 1822 г., автор которой, в общем сочувственно отнесясь к творчеству Боброва, отметил, наряду с недостатком вкуса, неблагородство и цинизм некоторых выражений.⁹² Несомненно в связи с недовольством поэта «жеманством» и «утонченностью» литературы находятся его языковые поиски в «Братьях разбойниках». Пушкин не преминул сам отметить основную особенность языка поэмы: «... если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц „Полярной звезды“, то напечатай его (отрывок из «Братьев разбойников», — М. А.)».⁹³ Именно с этой точки зрения защищает он свое произведение от замечаний Вяземского: «... как слог, я ничего лучше не написал».⁹⁴

И позднее, довольный своим «Годуновым», в озорном по-пушкински письме он говорит о грубости языка трагедии как о его несомненном достоинстве: «Какого вам „Бориса“ и на какие лекции? в моем „Борисе“ бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу».⁹⁵

Не удивительно поэтому, что в пору своей наибольшей зрелости Пушкин вновь обращается к творчеству Боброва. Исследователи отмечали несомненную связь вступления к «Медному

⁹¹ Пушкин, т. X, стр. 76.

⁹² «Благонамеренный», 1822, № 12, стр. 463—464.

⁹³ Письмо А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г. — В кн.: Пушкин, т. X, стр. 62.

⁹⁴ Письмо П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г. — В кн.: Пушкин, т. X, стр. 67.

⁹⁵ Письмо П. А. Плетневу 7 марта 1826 г. — В кн.: Пушкин, т. X, стр. 204.

всаднику» со стихотворениями «Установление нового адмиралтейства 1797» и «Торжественный день столетия».⁹⁶ Ср., например, строки из последнего стихотворения:

А ныне там, — где скромно крались
Рыбачьи челны близ берегов,
С бесценным бременем помчались
Отважны сонмища судов.

Доселе дебри где дремали,
Там убран сад, цветет Лицей.

(Рассвет, I, 113, 114).

Приблизительно в то же время, когда Пушкин меняет свое отношение к Боброву, живейший интерес к творчеству этого поэта проявляет В. К. Кюхельбекер. Он с похвалой отмечает в Боброве черты, характерные для поэта-романтика: «... автор Херсониды особенно успел в описании величественных и ужасных красот природы: в его стихах Таврические горы изображены удачнее, нежели роскошные долины Крыма».⁹⁷ Кюхельбекер считает, что творчество Боброва по самой сути своей противоположно сентиментализму: «Бобров имел решительное дарование к лирической поэзии... Но Боброву совершенно недоставало элегической нежности: он умел описать бурю в природе, а не страдания собственного своего сердца».⁹⁸

Проявляет интерес к творчеству Боброва и Грибоедов,⁹⁹ враждебный по своим литературным симпатиям направлению Карамзина, Жуковского, Батюшкова.

Однако все эти попытки исторической оценки наследия Боброва не стали достоянием широких кругов читателей. Заметки Пушкина остались в его письмах. Статьи Кюхельбекера, насильственно вырванного из литературной жизни, были забыты.

К тому же вообще литературное наследство Боброва наряду с очень интересными и важными находками имело много странных и смешных сторон. Нужно признать, что насмешки над ним были во многих отношениях справедливы. Все это привело к тому, что имя Боброва оказалось забытым исследователями. И только в последнее время делаются попытки определить его истинное место в истории русской литературы.

⁹⁶ И. Н. Розанов. Русская лирика, стр. 382—383; Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века. — Сб. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 4—5, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 93—98.

⁹⁷ «Благонамеренный», 1822, № 12, стр. 457.

⁹⁸ Там же, стр. 429.

⁹⁹ См. записку его к Булгарину от 19 марта 1826 г.: «Сделай одолжение, доставь мне „Тавриду“ — Боброва...» (А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений, т. III, Пгр., 1917, стр. 192).